

УДК 392.6 + 305 + 17.022.1

И. Н. Гоян

*Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника
(Ивано-Франковск, Украина)*

С. В. Сторожук

*Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины
(Киев, Украина)*

**СТРАТЕГИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА
КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Аннотация. В статье показано, что в современном общественно-политическом дискурсе одним из подходов к толкованию отличий между мужчинами и женщинами является рассмотрение их как несущественных, вследствие чего гендерное равенство представляется в контексте тождества (или похожести). Авторы приходят к мысли о том, что гендерно нейтральную политику чаще всего проводили в государствах, где борьба с гендерной дискриминацией либо активизировалась в контексте борьбы с другими формами дискриминации или общего движения за освобождение, либо проявилась как закономерный результат экономических, а затем и цивилизационных трансформаций.

Ключевые слова: гендер, гендерная политика, гендерная дискриминация, цивилизационные трансформации, мужественность, женственность.

Ihor Hoian

Vasyl Stefaniuk Precarpathian National University (Ivano-Frankivsk)

Svetlana Storozhuk

National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Kiev)

GENDER EQUALITY STRATEGIES AS SOCIAL POLICY ELEMENT

Summary. The article shows that one of the approaches to interpreting the differences between men and women in the modern social-political discourse lies in treating them as unimportant, thus presenting gender equality in the context of similarities. The authors come to the conclusion that the gender-neutral policy was most frequently held in the states where the combat against gender discrimination either started in the context of the combat against other forms of discrimination or the general movement for freedom, or revealed itself as the necessary result of the economic and later civilizational transformations.

Key words: gender, gender policy, gender discrimination, civilizational transformations, masculinity, femininity.

Несмотря на пристальное внимание общества на проблему гендерного равенства, в современном мире вряд ли можно найти государство, которое смогло устранить гендерную дискриминацию. Это обусловлено не только сохранением патриархальных общественных стереотипов, но и своеобразием политической традиции. В качестве примера можно вспомнить США, где начиная с 60-х гг. XX в. наблюдается активизация женского движения. Оно было направлено на устранение патриархальных общественных отношений и, соответственно, обеспечение равных возможностей для представителей двух полов. Показательно, что последнее не предусматривало изменения общест-

венно-политической традиции, сердцевиной которой уже более столетия выступал принцип равных возможностей, органичный с традиционным неприятием государственного вмешательства в частную сферу. В связи с этим в общественно-политической мысли США господствовало убеждение, что любое «отличие» в поведении с женщинами способствует закреплению их социальной маргинальности, тем самым формируя комплекс неполноценности.

Широко декларируемая США парадигма формально-правового равенства была эффективной на стадии «освобождения» женщины из-под власти патриархальных институтов, главным среди которых, как убеждала Кэйт Миллет, была семья [30]. «Будучи орудием общества, семья не только побуждает своих членов к приспособлению и подчинению, но и действует в качестве подразделения правительства патриархального государства, управляющего своими гражданами через глав семей. Даже в тех патриархальных обществах, где женщинам даны законные права граждан, все же существует тенденция к тому, что управление над женщинами осуществляется исключительно через семью и их отношения с государством либо незначительные, либо вовсе отсутствуют» [30, с. 24].

Замечания К. Миллет по поводу патриархального характера американской семьи 50–60-х гг. вполне созвучны с выводами, предложенными в работе К. Фридан «Загадка женственности» [13], которая была опубликована в 1963 г. В этой работе исследовательница одной из первых акцентировала внимание на том, что в современном ей обществе женщину нельзя назвать полноценной человеческой личностью, поскольку это качество полностью нивелируется крайне популяризированной идеей о «загадочной женственности», в пределах которой нет места для поиска женщиной собственного «Я» или для реализации ее собственных желаний. «Проблема становления личности, – замечает К. Фридан, – в то время [речь идет о 60-х гг. XX в. – уточнение наше] была для женщины новой, абсолютно новой. Феминистки шли в первых рядах женской эволюции. Они должны были доказать, что женщины – тоже люди. Они должны были вдребезги разбить, при необходимости применяя даже насилие, ту декоративную фарфоровую статуэтку, которая в прошлом веке представляла идеал женщины. Они должны были доказать, что женщина – не пассивное нереальное отражение, не декоративное ненужное украшение, не бездумное животное, не вещь, которой пользуются другие, не существо, лишенное собственного голоса» [14]. Иначе говоря, главной проблемой, которая встала перед американскими женщинами в 60-х гг. XX в., была проблема личностного самоопределения, которое до этого времени было привилегией мужчин.

Стоит отметить, что проблема «освобождения» женщины, как минимум в США, актуализировалась вместе с активизацией движения против всех форм дискриминации, которое длительно сохранялось благодаря стабильности введенной еще в XIX в. американской правовой доктрины. Как известно, ее сердцевиной был принцип равного поведения с лицами, находящимися в одинаковом положении. Иначе говоря, американская правовая система, взяв за основу принцип «раздельное, но равное», закрепила гендерное неравенство, заложив фундамент для всех форм дискриминации [10]. На наш взгляд, именно это обстоятельство обусловило воинственность американских феминисток 60-х гг. Это ярко проявилось в публичных акциях, примером которых может стать конкурс «Мисс Америка», проходивший в Атлантик-Сити [7]. Не меньшей агрессивностью характеризовалась и основанная в 1968 году «Ячейка-16». Представительницы этой радикально настроенной организации поставили в центр своей деятельности борьбу за «освобождение» женщины от всех форм угнете-

ния, в том числе эмансипации, которая, по их мнению, проявляется как принятие господствующей дискриминационной социальной системы путем приобретения к правам и свободам, которые имели мужчины [23]. Иначе говоря, вопреки традиционному для феминистического движения убеждению, представительницы «Ячейки-16» рассматривали эмансипацию как разновидность приспособления, адаптации угнетаемых к условиям угнетения, а потому не считали ее действенным механизмом физического, психологического, эмоционального и духовного освобождения женщины от мужчин. Вследствие этого представительницы «Ячейки-16» выступали против рабочих, личных отношений с мужчинами, которые способствуют сохранению патриархальных отношений [16].

Учитывая своеобразие поставленных Роксанной Данбар и Даной Денсмор задач, идеи и практические цели «Ячейки-16» не имели существенного резонанса среди представительниц женского движения США, главной целью которых было обеспечение равноправного положения женщины средствами эмансипации. Последняя сопровождалась целым рядом препятствий, среди которых не последнее место занимали патриархальные стереотипы и репрессивные практики, заставляющие женщин сохранять устоявшийся патриархальный порядок. Патриархальная подчиненность, сопровождавшаяся гражданским и экономическим бесправием, часто казалась более перспективной по сравнению с насилием, с которым сталкивались женщины в ходе общественной самореализации. Это не могло остаться без внимания феминистического дискурса, о чем свидетельствуют труды Сьюзан Браунмиллер [21], Кэтрин МакКиннон [29], Фелис Ньюман [24], Полин Б. Барт и Айлин Гейл Моран [30] и др., в которых изнасилование рассматривается как один из инструментов подчинения и угнетения женщин. Именно благодаря им в общественном сознании появились такие понятия как «сексизм», «домашнее насилие», «сексуальные притязания» и т.д., а затем и методы преодоления их последствий.

Раскрывая инструменты и средства гендерной дискриминации, феминистическое движение США одновременно пропагандировало гендерно нейтральную политику в сфере гражданства. Так, по мнению многих активных участниц женского движения, направленного на эмансипацию, а именно: Алис Росси в работе «Феминистские доклады: от Адамс к Бовуар» [30], Джанет Ричардс в книге «Скептический феминизм» [28], Сьюзан Окин в работе «Женщины в западной политической мысли» [27], Натали Блюстоун в книге «Женщины и идеальное общество: «Республика» Платона и современные мифы о гендере» [20], – в правовом смысле женщины и мужчины должны рассматриваться как равные, то есть одинаковые. Гендерные отличия оцениваются ими как несущественные, поскольку сформировались как результат несправедливой организации общества, а потому могут быть легко устранены с помощью правовых реформ (Н. Блюстоун). С учетом этого убеждения в США начала утверждаться политика тождества, а с ней и «феминизм равных прав», который сопровождался резкой атакой на господствующий в тогдашнем социуме образ женщины с ее выразительной интенцией на материнство.

Так, в противовес господствующей в тогдашнем интеллектуальном дискурсе социологической теории структурно-функциональных ролей Т. Парсонса, который, в целом признавая равенство представителей обоих полов, все же отстаивал патриархальную социальную структуру с присущим ей подчиненным положением женщины, среди представительниц феминистического движения все большую поддержку получала теория андрогинии Сандры Бэм [19]. Она была предложена исследовательницей в начале 1970-х годов и поставила под

сомнение традиционную биполярность гендерных ролей. В частности, Бэм предположила, что измерение феминности и маскулинности может делиться на две сферы: индивидуум с высокими маскулинными и низкими феминными показателями будет категоризоваться как «маскулинный», в то время как индивидуум с высокими феминными и низкими маскулинными показателями будет считаться как «феминный». Люди, у которых будут высокие показатели по обеим категориям, будут определяться как «андрогенные», а с одинаково низкими показателями – как «недифференцированные» [20]. На этом концептуальном фоне и опираясь на данные анкетирования, Сандра Бэм доказывала, что для полноценного функционирования и адаптации человека в обществе чрезвычайно важно слитие маскулинных и феминных черт. Иначе говоря, теория андрогенности опровергала господствующую до этого половую поляризацию социального мира.

Основанная женским движением США интенция на обеспечение формально правового равенства женщин постепенно институализовалась в виде Национальной организации женщин (англ. NOW), возникшей в 1966 г. под руководством Бетти Фридан. Главной задачей этой организации стало реформирование американского законодательства и преодоление концепции дифференцированного гражданства. «До тех пор, пока закон будет разделять граждан по половому признаку, женщины будут чувствовать дискриминацию на основании застарелых социальных стереотипов. Пришло время покончить с дискуссиями и аргументами по поводу особенной природы женщин, которые препятствуют достижению действительного равенства возможностей и свободы для женщин» [10].

Реформирование гендерной политики США было начато в 1961 году президентом Джоном Кеннеди. Благодаря его поддержке была создана Комиссия по статусу женщин для изучения ситуации с правами женщин в послевоенной Америке. Результатом деятельности комиссии стал опубликованный в 1963 году «Доклад о положении женщин», в котором правительство впервые документально подтверждало дискриминацию женщин в социально-экономической сфере. В том же году принимается первый Федеральный закон о равной оплате труда, запрещающий дискриминацию при оплате труда по признаку пола. Закон вводил обязательность принципа одинакового вознаграждения за равноценный труд мужчин и женщин. Так увенчались успехом усилия довоенного социального крыла американского женского движения, которое отстаивает коллективные права женщин, занятых в промышленном производстве. Заметим, что вначале закон не касался административной сферы, где гендерное равенство утвердилось почти через десять лет [9].

Ориентируясь на реформирование существующей системы власти, феминистки действовали традиционными для политической культуры США методами – подачи судебных исков и лоббирования законопроектов. Созданная под давлением феминисток Комиссия по равным возможностям чрезвычайно быстро переполнилась заявлениями о судебных исках против работодателей на основании нарушения Закона о гражданских правах, который запрещал дискриминацию по признаку пола. Это, в свою очередь, заставило много компаний платить значительные денежные штрафы по возмещению материального и морального ущерба и принимать на работу по решению суда. Такие же штрафы налагали на издательства газет, публиковавших объявления о приеме на работу с указанием «нужны мужчины» [9].

Активная борьба NOW с дискриминацией женщин чрезвычайно быстро дала плодотворные результаты. Уже в 70-х гг. XX в. США приняли ряд законо-

проектов, направленных на преодоление гендерного неравенства в образовательной, трудовой, гражданской, правовой, экономической и других сферах. В то же время Поправка о равных правах, принятая Конгрессом США в 1972 году, была ратифицирована только 32-мя из 38-ми штатов, вследствие чего так и не стала конституционной нормой. Несмотря на это и вопреки всем преградам, именно в этот период принцип гендерного равенства стал неотъемлемым элементом гражданской политики США. Этому некоторое время способствовала и основанная президентом Кеннеди гендерно чувствительная политика «положительных действий». Так, добиваясь преодоления гендерной дискриминации, власть обеспечивала предоставление большего доступа на рынок труда и политики, увеличивая представительство мало представленных ранее групп населения в общественных комитетах, политических партиях и образовательных институтах [18, р. 15], налагая одновременно санкции на те компании, которые отказывались проводить указанную политику [2, с. 17]. В результате чрезвычайно быстро проявилось противоречие между господствующей в США либеральной «политикой равных возможностей» и компенсаторной политикой «положительных действий». Направленные на избежание дискриминации одних общественных групп, «положительные действия» тем самым нарушали «равные возможности» участия в общественном производстве других групп населения. Иначе говоря, «положительные действия» предусматривали заданное равенство результатов, что противоречило господствующему в общественном сознании принципу «равных возможностей», заставляя сторонников «положительных действий» отказаться от использования квот [18, р. 44]. Таким образом, единственной привилегией американских женщин стал принцип равноправия [32, р. 7].

На первый взгляд, есть все основания рассматривать обеспечение равноправия мужчин и женщин в единстве с гендерно нейтральной политикой как несомненное достижение американского феминизма. Между тем такой вывод является слишком преждевременным, учитывая его нечувствительность к «специальным правам» женщины. Поэтому уже в 80-х гг. XX в. в американском социуме они актуализировались как проблема материнства. Ведь концептуализированная в итоге политических и общественных дебатов гендерно нейтральная политика способствовала активному вовлечению женщин в общественную сферу, а впоследствии стала несомненным достижением американского феминизма, развитие которого с этих пор происходило в единстве с традиционными общественно-политическими принципами, порождая новые формы неравенства. Так, в результате общественных трансформаций в американской общественно-политической практике выразительно проявился не только феминцид, вследствие чего женщины столкнулись с проблемой совмещения профессиональной и семейной ролей. Рост разводов постепенно формировал неравенство, обусловленное опекой над детьми. Чаще всего они оставались с матерью, на которую возлагались такие же обязанности по материальному обеспечению детей, как и на отца. Иначе говоря, проблема равноправия привела к тому, что мужчина освобождался от значительной суммы алиментов на содержание детей, в то время как женщина вынуждена была совмещать профессиональные и материнские обязанности.

Актуализация новых форм дискриминации обусловила изменения мировоззренческого вектора феминистского движения, в риторике которого появилась проблема «специфических прав» женщины. Одной из первых в американском женском движении эту проблему подняла Бетти Фридан. В опубликованном в 1981 году труде «Вторая стадия» [24] глава феминистского движения

акцентировала внимание на том, что «мистика женственности» больше не угнетает женщин, теперь женщины страдают от «феминистской мистики», которая не позволяет им уделять достаточно времени своим детям и семьям. Поэтому Бетти Фридан обосновала неотложную потребность в формировании нового, сбалансированного взгляда на семью, любовь и работу. По ее мнению, женщины, заручившись поддержкой мужчин, должны направить свои усилия на перестройку общественных институтов и разработку социальных программ помощи в воспитании детей, включающих оплачиваемые отпуска в случае болезни ребенка, гибкий график работы и т. д.

Несмотря на то, что изложенные во «Второй стадии» идеи отражали реальные проблемы гендерной политики США, они не нашли поддержки ни среди представительниц феминистского движения, ни среди широкой общественности. Это обусловило постепенное укоренение гендерно нейтральной политики, в пределах которой полностью нивелировались разделение на мужские и женские обязанности и виды деятельности. Нечувствительной стала американская политика и к семейному законодательству, которое породило новые формы дискриминации женщины. Например, в США только в трех штатах – Калифорнии, Нью-Джерси и Вашингтоне – предусмотрен оплачиваемый отпуск в связи с беременностью и родами. В остальных случаях американские мамы могут рассчитывать только на 12 недель неоплачиваемого отпуска по беременности и родам при условии, что они работают как минимум год в большой (насчитывающей больше 50 сотрудников) компании. Единственным смягчением в этом случае становится компенсация по медицинской страховке 6 - 8 недель временной нетрудоспособности. Вопреки ограничениям «специальных прав» женщин, гендерно-нейтральная политика вполне отвечает господствующему в американском общественно-политическом сознании принципу «равных возможностей».

Учитывая тесную связь гендерно-нейтральной политики с общественно-политическими процессами, которые происходили в США в середине XX в., а именно борьбой со всеми формами дискриминации, ее ценности и принципы получали поддержку прежде всего в тех странах, где борьба с гендерным неравенством актуализировалась в единстве с борьбой с другими формами неравенства. Так, например, в США этот процесс развивался параллельно с борьбой за установление расового равенства. В то же время в Республике Тунис проблема гендерного равенства активизировалась в единстве с борьбой за освобождение от протектората Франции. Между тем, на наш взгляд, именно последняя определила вектор развития женского движения в этом государстве. Ведь, как известно, большинство населения Туниса исповедует ислам, доктрина которого не предусматривает равных прав мужчин и женщин. В то же время новейшая французская история определилась со своим светским характером в результате четкого разделения государства и Церкви. Очевидно, что эта идея не могла быть воспринята тунисским обществом, вследствие чего ислам на конституционном уровне был закреплен государственной религиозной доктриной [5]. Несмотря на это, Конституция Туниса базируется не на требованиях и правилах шариата, а на западноевропейских цивилизационных ценностях, среди которых одно из ведущих мест занимают свобода и равенство личности. Так, например, в ст. 21 Конституции Туниса утверждается: «Все граждане, мужчины и женщины, имеют равные права и обязанности, а также являются равными перед законом без какой-либо дискриминации», в статье 40 обеспечивается равное для мужчин и женщин право на труд. Показательной, на наш взгляд, является ст. 46, в которой закрепляется обязанность государства

«защищать предусмотренные права женщин и работать для укрепления и развития таких прав». Кроме того, государство «гарантирует равенство возможностей между женщинами и мужчинами для доступа ко всем уровням ответственности на всех территориях», а также работает «для достижения паритетности между женщинами и мужчинами в выборных собраниях» [5].

Вне всякого сомнения, указанные статьи являются весомым достижением исламского государства на пути обеспечения гендерного равенства. В то же время привлекает внимание тот факт, что достижение паритетности в правах мужчин и женщин так же, как и в США, происходит без учета «специальных прав» женщин. Так, в Тунисе при рождении ребенка женщина может получить от 4-х до 8-ми недель декретного отпуска с оплатой 67,7% от заработной платы. Кроме того, в Тунисе в результате конституционного закрепления гендерного равенства так же, как и в США, не предусмотрено разделение на мужские и женские профессии. В связи с этим женщины работают на производстве наравне с мужчинами, даже несмотря на отличия физических возможностей. По нашему мнению, есть все основания считать это не только разновидностью гендерной дискриминации, но и феминизмом.

Подобная ситуация наблюдается и в Индии. Так же, как и в Тунисе, борьба за гендерное равенство тут происходила параллельно с освобождением от колониальной зависимости от Англии, которую, без сомнения, можно считать лидером в борьбе с гендерной дискриминацией. В то же время Великобритания занимает третье с конца место в обеспечении «специальных прав» женщин. Конечно, тут так же, как и в других странах мира, законодательно предусмотрен ряд послаблений для беременных женщин, которые вряд ли можно считать достаточными для роста престижа материнства. Все названные нами достижения и ограничения отразились в индийской политической практике, направленной на обеспечение гендерного равенства. Так, с одной стороны, в Индии принят ряд законодательных актов, направленных на обеспечение гендерного равенства, однако, с другой стороны, глубоко консервативный характер индийского общества в соединении с извечными традициями и предписаниями индуизма стали существенным препятствием для утверждения настоящего гендерного равенства. Оно стало привилегией женщин, которые происходят из привилегированных семей, а также представительниц городского населения среднего класса [15]. Тем временем в сельской среде четко проявляются неравенство и дискриминация женщин, которая, однако, не сводится к феминизму.

Несмотря на положительные подвижки в правовом, социальном и экономическом статусе женщин, пока что нет оснований считать этот вопрос решенным. Конечно, наиболее продвинулись в этом контексте ведущие европейские страны, общественно-политическая мысль которых определялась интенцией на развитие «государства всеобщего благополучия». В связи с этим обеспечение гендерного равенства происходило в единстве с осознанием отличия (непохожести, неодинаковости) между мужчинами и женщинами, которое могло приводить к отличию их социально-экономического статуса. Учитывая это, европейская политика равных прав постоянно дополнялась специальными программами государств на улучшение статуса женщин и удовлетворение их специфических потребностей. Показательной в данном контексте может быть Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин от 1979 года, инициированная ООН. Этот международный документ можно считать знаковым событием в истории феминистского движения, поскольку он на международном уровне закреплял равенство мужчин и женщин, одновременно подчер-

квивая важность социальной роли материнства. Например, ст. 11 инициировала разработку государствами – участниками социальных программ по поддержке материнства путем введения оплачиваемых отпусков или отпуска с определенной социальной помощью по беременности и родам без утраты прежнего места работы, предоставлению дополнительных социальных услуг. Социальные платформы обеспечивали возможность совмещать выполнение семейных обязанностей с трудовой деятельностью и участием в общественной жизни прежде всего путем создания и расширения сети заведений по уходу за детьми [4].

Наиболее показательной в данном контексте является Пекинская Платформа действий [8], которая предлагает международной общественности принять целый ряд мер по обеспечению принципа «равенства прав и ответственности женщин и мужчин в семье, на работе и в более широких национальном и международном контекстах», поскольку «равноправие женщин и мужчин является одним из вопросов прав человека и одним из условий обеспечения социальной справедливости, а также необходимой и основной предпосылкой достижения равенства, развития и мира», а «превращение отношений партнерства на основе равноправия женщин и мужчин является одним из условий устойчивого развития, которое ставит на первое место интересы человека» [ст. 1,8]. Иначе говоря, Пекинская Платформа действий, признавая наличие социально детерминированных отличий между женщинами и мужчинами, направила свои усилия на обеспечение равноправия мужчин и женщин без интенции на феминизм. Об этом свидетельствует п. 29 упомянутой Платформы. В нем акцентируется внимание на незаурядной роли женщины в семье и процессе деторождения, что, однако, не должно стать препятствием на ее пути к гражданской и экономической активности, а поэтому мужчины так же, как и все общество, должны брать на себя значительную часть обязанностей в процессе воспитания детей. Одновременно с требованиями по обеспечению гендерного равноправия в Платформе четким оставалось требование уважения к жизненному выбору женщины [8].

Несмотря на существенные достижения международной общественности в преодолении гендерной дискриминации, пока что нет оснований считать эту проблему полностью решенной. Так, в большом количестве стран, где были ратифицированы упомянутые и другие международные документы и конституционно закреплен принцип гендерного равенства, остается высокий уровень гендерной дискриминации. Показательным примером в данном контексте может быть Украина, в Конституции которой однозначно утверждается, что «не может быть привилегий или ограничений по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места проживания, по языковым либо иным признакам. Равенство прав женщины и мужчины обеспечивается: предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в общественно-политической и культурной деятельности, в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и вознаграждении за него; специальными мерами по охране труда и здоровья женщин, установлением пенсионных льгот; созданием условий, которые дают женщинам возможность совмещать труд с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям» [6]. Несмотря на это, как свидетельствуют эксперты Центра Разумкова, практически во всех сферах для женщин существуют реальные препятствия на рынке труда. Их

корни кроются в самой системе организации занятости и в проблемах, с которыми сталкиваются женщины, стремясь совместить профессиональную деятельность с исполнением семейных обязанностей [4, с. 8]. Показательно, что указанная ситуация длительно сохраняется даже несмотря на то, что часть работающих женщин, которые имеют высшее образование, значительно превышает соответствующий показатель для мужчин. Несмотря на это, в большинстве отраслей женщины занимают должности, которые не требуют высокого уровня квалификации и не предусматривают возможностей профессионального роста. Вследствие этого средняя заработная плата украинских женщин на 34% ниже той, которую получают мужчины. В то же время в Украине наблюдается абсолютное гендерное равенство в таких сферах, как охрана здоровья и образование [14]. Так, в последние годы улучшилась ситуация в законодательной сфере и с представительством женщин в органах государственной власти, несколько увеличилось и количество женщин – народных депутатов.

Вопреки положительным тенденциям, наблюдающимся в отдельных сферах общественной жизни, в Украине остается высокий уровень гендерного неравенства. Это в значительной степени обусловлено господствованием советских стереотипов и общественных практик, в пределах которых законодательство выступает своеобразным программным девизом, который открывает возможность для международного диалога, не налагая при этом каких-либо ограничений по поводу общественной политики. Эта политическая практика четко проявилась в советском государстве, которое, вопреки законодательному закреплению принципа гендерного равенства, пропагандировало ценности патриархальной семьи. В результате законодательно закреплённое равноправие превращалось в дискриминацию, поскольку только на женщину возлагали двойные обязанности – семейные и профессиональные [1]. Существенных изменений в украинском обществе в решении проблемы гендерного неравенства не наблюдается и после провозглашения государственной независимости. Несмотря на декларируемый европейский вектор цивилизационного развития, общественно-политическую мысль и семейную политику продолжают определять патриархальные стереотипы, что в итоге приводит к сохранению гендерной дискриминации [4, с. 9].

Вместе с тем не стоит забывать и о том, что значительное количество украинского населения проживает в сельских регионах, а поэтому его мировоззрение характеризуется, с одной стороны, высоким уровнем консерватизма, а с другой – укоренением гендерного разделения труда, которое способствует сохранению гендерных стереотипов. Иначе говоря, сохранение патриархальных отношений в сельских регионах Украины полностью соответствует детально охарактеризованной Элвином Тоффлером второй волне цивилизационных изменений [11], а их изменение предусматривает коренную трансформацию мировоззренческих, экономических, технологических и др. институций.

Таким образом, в современном общественно-политическом дискурсе мира наблюдаются два концептуальных подхода к толкованию гендерного равенства. В рамках первого подхода отличия между мужчинами и женщинами рассматривают как несущественные, вследствие чего гендерное равенство рассматривается в контексте тождества (или похожести). Это приводит к проведению гендерно-нейтральной политики «равных возможностей», в пределах которой полностью нивелируются «специальные права» женщин. По нашему мнению, это вызывает развитие новых форм неравенства и дискриминации, и, что важно, не только женщин, но и мужчин, особенно в обеспечении их права на материнство или отцовство.

Ярким примером в данном контексте является опыт США, где женщины так же, как и мужчины, должны постоянно выбирать между собственным правом на материнство/отцовство и общественной реализацией. Подчеркнуто, что гендерно-нейтральная политика чаще всего вводилась в государствах, где борьба с гендерной дискриминацией активизировалась в контексте либо борьбы с другими формами дискриминации, либо всеобщего движения за освобождение или проявилась как закономерный результат экономических, а с ними и цивилизационных трансформаций.

В европейских странах распространилась практика эмансипации, которая обеспечивала постепенное вовлечение женщин во все сферы общественного бытия на основе принципа «равные, но разные». Этому способствовало развитие не только феминистского движения, но и самого либерализма, в рамках которого постепенно сформировался концепт «государства всеобщего блага». Иначе говоря, в европейском общественно-политическом дискурсе гендерное равенство рассматривалось сквозь призму социально детерминированных ролей каждого пола.

Есть все основания рассматривать маргинализацию социально детерминированных ролей у представителей обоих полов как одну из форм гендерной дискриминации, поскольку в рамках такого подхода происходит маскулинизация женщины, которая совмещается с геноцидом феминности. Следовательно, есть все основания считать, что перспективной моделью гендерного равенства является та, которая выстраивается на основе гендерного принципа «равные, но разные». В соответствии с ним женщины и мужчины имеют равные юридические права, однако также учитываются специальные права женщин на материнство, которые в определенной степени отражают антропологическо-биологическое отличие между полами.

Раскрытие основных интенций гендерной политики разных стран дает все основания говорить о наличии трех типов гендерной политики. Первым типом является гендерно-нейтральная политика, в рамках которой максимально обеспечиваются «равные возможности» мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни путем полного нивелирования социально детерминированных ролей представителей обоих полов. То есть основным методологическим концептом, на основе которого строятся отношения между полами, является принцип полного социального равенства и принцип антропологического тождества, который не учитывает и нивелирует особенные антропологические потребности женщин и их специальные права, в частности право на материнство. Вторым типом является гендерно чувствительная политика, которая, учитывая социально детерминированные роли представителей обоих полов, обеспечивает равные возможности мужчин и женщин благодаря наличию большого количества разных социальных программ, учитывающих особенные потребности женщин, в частности во время беременности и родов. То есть этот тип гендерных отношений основывается на либерализме и учитывает социально детерминированные роли каждого из полов, в частности материнство. Третьим типом является дискриминационная политика в отношении женщин, распространенная в странах, которые находятся на низком экономическом уровне и имеют большое количество людей, занятых в сельском хозяйстве, а это влияет на сохранение патриархальных отношений, которые являются фундаментом сохранения гендерного неравенства; а также в странах, законодательство которых выстраивается в соответствии с требованиями шариата, согласно которому равенство мужчин и женщин не прослеживается в контексте религиозной традиции.

Список использованных источников

1. Айвазова, С. Советский вариант «государственного феминизма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/gender/11.htm> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
2. Воронина, О. А. Феминизм и гендерное равенство. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 320 с.
3. Дворкин, А. Порнография: новый терроризм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://womenation.org/dworkin-pornography-the-new-terrorism/> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
4. Гендерна рівність і розвиток: погляд у контексті європейської стратегії України. – К.: Заповіт, 2016. – 244 с.
5. Конвенція Організації Об'єднаних Націй про ліквідацію всіх форм дискримінації щодо жінок [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_207 - Дата доступа: 21. 10. 2017.
6. Конституция Туниса 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=1049> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
7. Конституція України [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
8. Курлански, М. 1968. Год, который встряхнул мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1048598>
9. Пекинская декларация и Платформа действий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
10. Попкова, Л., Жидкова, Е. Первая волна западного феминизма: суфражизм в XIX–XX веках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.feminisnts.info> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
11. Попкова, Л. П. Политика равных прав и равных возможностей (на примере США) // Социальная работа, сентябрь, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soc-work.ru/article/805> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
12. Тоффлер, Э. Третья Волна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/toffler_elvin/tretya_volna.html - Дата доступа: 21. 10. 2017.
13. Файерстоун, С. Диалектика пола. Обоснование феминистской революции [Электронный ресурс] / Суламифь Файерстоун. – Режим доступа: <https://genderlibrary.files.wordpress.com/2015/02/shulamith-firestone.pdf> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
14. Фридан, Б. Загадка женственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1019773>- Дата доступа: 21. 10. 2017.
15. Цымбал, Л. В мире иллюзий: Почему гендерное равенство в Украине — это фантастика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://womo.ua/v-mire-illyuziy-rochemu-gendernoe-ravenstvo-v-ukraine-eto-fantaziya/>- Дата доступа: 21. 10. 2017.
16. Юрлова, Е.С. Индия: гендерные проблемы на рубеже XXI века // Социологические исследования – 1998. – № 12. – С. 83–88.
17. Ячейка-16: первый опыт пробуждения от сна эмансипации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://womenation.org/cell-16/> - Дата доступа: 21. 10. 2017.
18. Affective Equality Love, Care and Injustice / J. Baker, K. Lynch, M. Lyons, Maggie Feeley, Niall Hanlon, Maeve O'Brien, Judy Walsh, Sara Cantillon. – Luxembourg, Springer, 2016. – 289 p.
19. Bacchi, C.L. The Politics of Affirmative Action: «Women», Equality & Category Politics. – London etc.: Sage Publications, 1996. – 191 p.
20. Bem, Sandra. L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology, 1974. – Vol. 42, N. 2 – С. 155–162.
21. Bluestone, N.H. Women and the Ideal Society: Plato's Republic and Modern Myths of Gender. – Oxford: Berg, 1987. – 238 p.

22. *Brownmiller S. Against our Will: Men, Women and Rape / Susan Brownmiller. – New York: Ballantine Books; Reprinted edition, 1993. – 480 p.*
23. *Dworkin, Andrea. Pornography: men possessing women / Andrea Dworkin. – London: Women's Press, 1981. – 304 p.*
24. *Fight Back! Feminist Resistance to Male Violence. Edited by Frederique Delacoste and Felice Newman. – Berkeley, California: Cleis Press, 1981. – 398 p.*
25. *Fraser, Nancy After the Family Wage: Gender Equity and the Welfare State / Nancy Fraser // Political Theory. – Vol. 22, No. 4 (Nov., 1994). – pp. 591–618.*
26. *Fraser, Nancy. A Triple Movement? Parsing the Politics of Crisis after Polanyi / Nancy Fraser // New Left Review 81, May-June 2013.*
27. *Friedan, Betty. The Second Stage / Betty Friedan. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. – 357 p.*
28. *Griffin, S. Pornography and Silence: Culture's Revolt Against Nature / S. Griffin. – New York: Harper and Row, 1981. – 277 p.*
29. *Mackinnon, C. Sex Equality / Catharine Mackinnon. – Foundation Press, 2016. – 1982 p.*
30. *Millett K. Sexual Politics / Kate Millett. – New York, Columbia University Press, 2016. – 416 p.*
31. *McMillan, C. Women. Reason and Natjre. – Princeton University Press, 1982. – 165 p.*
32. *Okin S. Women in Western Political Thought / S. Okin. – NJ: Princeton University Press, 1979. – 440 p.*
33. *Richards, J.R. The Sceptical Feminism. – London: Routledge, 1980. – 320 p.*
34. *Rossi A. S. Feminist Papers: From Adams to de Beauvoir. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 1973. – 716 p.*
35. *Thompson, Neil Anti-Discriminatory Practice: Equality, Diversity and Social Justice. – Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2016. – 248 p.*
36. *Violence Against Women. The Bloody Footprints. Edited by Pauline E. Bart and Eileen Geil, Moran. – London: SAGE Publications, 1993. – 312 p.*
37. *Young I. Justice and the Politics of Difference. – Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1990. – 286 p.*

Сведения об авторах

Гоян Игорь Николаевич – декан философского факультета Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника, доктор философских наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина).

Адрес для переписки: ул. Шевченко, 57, г. Ивано-Франковск, 76018, Украина.

E-mail: ivigoian@gmail.com

Сторожук Светлана Владимировна – доктор философских наук, доцент; Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины, (Киев, Украина).

Адрес для переписки: ул. Героев Обороны, 15, г. Киев, 03041, Украина.

E-mail: sveta0101@ukr.net

Author's Data

Hoian Ihor Nikolaevich – Dean, Faculty of Philosophy, Vasiliy Stefanyk Precarpathian National University, Doctor of Philosophical Science, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Address for correspondence: 57, Shevchenko Str., 76018, Ivano-Frankivsk, Ukraine.

E-mail: ivigoian@gmail.com

Storozhuk Svitlana Volodymyrivna - Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, National University of Life and Environmental Sciences (Kyiv, Ukraine)

Address for correspondence: Heroes of Defense Str., 15, Kiev, 03041, Ukraine.

E-mail: sveta0101@ukr.net

© Гоян И. Н., 2018.

© Сторожук С. В., 2018.

Поступила в редакцию 21.11.2017.